

Получив звонок от Чжан Цзюй, Дин Сяовэй долго смотрел на номер звонившего, колебаясь, наконец, вздохнул и нажал кнопку ответа.

«Привет, дядя Дин».

"Гм."

"Как насчет тебя? Ты сходил?"

Дин Сяовэй глупо ответил: «Нет».

Чжан Цзюй почувствовал облегчение и сразу же спросил: «Тогда ты ...»

«Я не планирую туда ехать, мы с ним из разных миров, так тому и быть».

Голос Чжан Цзюй был наполнен радостью: «Правда? Дядя Дин, ты можешь так думать. Я знаю, что ты сейчас плохо себя чувствуешь, я принесу вина, давай выпьем».

«Ладно, давай, я куплю еды, тебе нравится мясо. Лин Лин будет рада, приходи еще поиграть с девочкой».

«Нет проблем, нет проблем!» Ребенок выглядел вполне довольным: «Я буду у вас сразу после работы».

Дин Сяовэй повесил трубку, и его пальцы начали бессознательно листать телефонную книгу. Когда он дошел до имени «Чжоу Цзиньсин», его палец нажал кнопку удаления. На экране быстро появилось небольшое диалоговое окно с двумя простыми опциями: «ОК» и «Отмена».

Пальцы Дин Сяовэя начали дрожать, он долго боролся, но все еще не мог нажать «ОК». Он уронил телефон на пассажирское сиденье и с закрытыми глазами откинулся на спинку сиденья.

Вечером Дин Сяовэй мыл дома овощи, когда пришел Сяо Чжань принес бутылку легкого вина и закуски из магазина.

Лин Лин уже хорошо его знала, и она была очень рада его видеть, поэтому, когда он пришел, она попросила его обнять ее, и взять на руки.

Сяо Чжань отнес Лин Лин на кухню и наблюдал, как Дин Сяовэй положил на тарелку чисто вымытую шанхайскую зелень. Листья все еще были в капелях воды. Свежая зелень и нежная белизна фарфора выглядели очень привлекательно.

Дин Сяовэй повернулся и улыбнулся ему, а затем сказал Лин Лин: «Девушка, ты уже такая тяжелая, не заставляй гостя носить тебя».

Чжан Цзюйюй поспешно сказал: «Все в порядке, у меня пока достаточно сил». Правда, сказав это, он поставил Лин Лин на пол.

Дин Сяовэй насмешливо посмотрел на Чжань Цзюйюй, похоже у этого ребенка после работы не было особой энергии. Он вспомнил, что Сяо Чжань рассказывал ему, что в их семье много братьев и сестер, и в детстве его все баловали. Семья очень его любила, поэтому неудивительно, что он вырос настолько простым и веселым человеком.

Дин боялся, что Чжан Цзюйюй соберется покинуть кухню, и оставит его разбираться, поэтому сказал: «Займи ее чем-нибудь и помоги мне приготовить овощи».

«О, хорошо, - Чжан Цзюйюй обратился к девочке, - Лин Лин, в пластиковом пакете, принесенном старшим братом, есть игрушки для тебя, так что иди и посмотри».

Маленькая девочка счастливо убежала.

Чжань Цзюйюй стоял рядом с Дин Сяовеем, чистя картошку, осторожно присматриваясь к нему.

Дин обнаружил, что после того, как он пришел и ушел, он не мог удержаться от смеха: «Какие у тебя большие глаза, просто скажи, что у тебя на уме».

Чжань Цзюйюй смущенно улыбнулся: «Дядя Дин, если тебе плохо, просто расскажи мне, выговорившись, ты почувствуешь себя лучше».

Дин Сяовэй ухмыльнулся: «Не волнуйся твой дядя Дин уже прошел возраст, когда готов жить и умереть ради любви. Все в порядке. Как-нибудь переживу».

Чжан Цзюйюй моргнул: «Действительно, ты сможешь забыть его?».

Дин Сяовэй нахмурился и сказал: «Рано или поздно я смогу ... Нет, давай больше не будем упоминать об этом? Я злюсь, когда думаю о нем».

"Ой....."

Пару минут они молчали, но Чжан Цзюйюй снова спросил: «Дядя Дин, можно я не буду называть тебя дядей, чтобы добиться успеха. Я могу обращаться к тебе, как к брату?»

"Зачем?"

«Называя тебя дядей, я признаю, что ты намного старше. А тебе всего немного за тридцать. Ты молодой человек. Можно я буду называть тебя братом?»

«Не надо, не называй меня братом, мне больно слышать, когда меня зовут Гэ Дин».

«... Слушай, ты все еще не можешь его забыть».

«Ты, маленький ублюдок, верно? Если бы я завел собаку и заботился о ней полгода, мне было бы грустно потерять ее, не говоря уже о человеке. Мне нужно время. Сбавь обороты, ты сознательно меня раздражаешь».

Чжань Цзюй улыбнулся: «На самом деле нет, я все еще считаю, называть тебя дядей это ужасно».

Дин Сяовэй беспомощно покачал головой, думая о человеке, который однажды занял его кухню, говоря «Дин Гэ», и у него заболело сердце.

Независимо от того, действительно ли Цзинсин забыл его или притворялся, ничего не могло изменить того факта, что был женат, или сократить разрыв между их личностями. Он не хотел запутываться в этой правде и лжи, в которые втянул его Чжоу Цзиньсин.

Полгода самоотверженности и любви были не чем иным, как пустой тратой времени, словно он носил воду в бамбуковой корзине. Даже если он чувствовал разочарование и грусть и не мог спать по ночам, в этом возрасте, он не осмелился бы признать, что это все из-за любви. У него даже не было человека, с которым можно было бы поговорить. Он сам понимал, что если бы его друг подошел к нему, плача о потере любви, он, вероятно, утешил бы несколькими многозначительными фразами. А в конце, сказал бы: «Можно ли это съесть как еду? Нет, тогда это не настолько важно. Смирись, его больше нет».

Да, можно ли любовь есть как еду? В жизни слишком много более важных вещей, о которых нужно беспокоиться, например, заработная плата, социальное обеспечение, обучение детей и пенсия родителей.

Он уже взрослый мужчина, а не молодой юноша, и у него нет лица, чтобы плакать о потерянной любви к этому человеку, он может только как можно скорее его забыть.

Готовил Дин Сяовэй действительно не очень хорошо, но в итоге Чжан Цзюй приготовил несколько вкусных местных блюд.

Во время еды Лин Лин особенно мило покраснела, когда ее дразнил Чжан Цзюй. Девочка, которая обычно ест только маленькую миску риса, сегодня съела целую большую тарелку.

Дин Сяовэй обнаружил, что Лин Лин была счастлива, пока кто-то был с ней. Дети такие. Ему

некогда играть с ней весь день. Неудивительно, что она так сильно хочет, чтобы Чжоу Цзиньсин вернулся. Если кто-то сможет быть с ней основную часть дня, она не будет такой одинокой, и не будет скучать по своему дяде.

Дин Сяовэй не мог избавиться от мысли снова найти мать для Лин Лин, но как только эта идея возникла, лицо Чжоу Цзиньсина сразу появилось в его голове, и Дин Сяовэй почувствовал себя неловко.

После обеда Чжань Цзюй играл с Лин Лин в гостиной, а Дин Сяовэй мыл посуду на кухне.

Он услышал звук обрушившихся кубиков, из которых дети строили дом, а затем Лин Лин весело рассмеялась.

Он оглянулся назад, и увидел, что Сяо Чжан сел на землю спиной к нему, как часто сидел Чжоу Цзиньсин.

На мгновение Дин Сяовэй почувствовал себя растерянным, как будто ничего не изменилось и все, как прежде ...

Человек, сидящий к нему спиной, повернул голову, улыбнулся и сказал: «Дядя Дин, поторопись, я купил пазл, поиграем вместе».

Дин Сяовэй опешил, глядя на молодое и энергичное лицо, он внезапно почувствовал душевную боль.

Он никогда не осознавал так трезво, как в этот момент, что Чжоу Цзиньсин больше никогда не вернется.

После того, как Лин Лин легла спать, Чжань Цзюй поставил ряд бутылок пива на журнальный столик, вскрыл их одну за другой с помощью открывалки. Затем с гордостью поднял бутылку и подтолкнул ее к Дин Сяовэю: «Давай, дядя Дин, Я выпью с тобой сегодня. Давай забудем о том парне, когда закончим пить».

Дин Сяовэй улыбнулся, взял бутылку пива: «Хорошо, забудем...».

Двое сделали по большому глотку из бутылок.

Чжань Цзюй увидел, что Дин Сяовэй хмурился, пил и не разговаривал, поэтому, чтобы развеселить его, он что-то рассказывал ему, каким он был непослушным и хитрым в детстве.

Дин Сяовэй улыбался и кивал, но на самом деле ничего не слышал.

Увидев, что четыре бутылки пива пустыми валяются на полу, у обоих слегка закружилась голова.

Чжань Цзюй икнул, посмотрел на покрасневшее лицо Дин Сяовэя, а затем прикоснулся пальцами к его горячему лицу, только чтобы почувствовать прилив крови в теле. После того, как он готовился в течение нескольких дней, он мгновенно забыл о своих благих намерениях. Теперь его единственная мысль - это обнять Дин Сяовэй.

Но в конце концов он не осмелился, вместо этого он свернул разговор в опасную сторону: «Дядя Дин, ты собираешься найти себе кого-нибудь?»

«... Послушай, почему бы тебе ... Я не собираюсь его искать, но в моем возрасте... мне нужен человек, что бы заботиться о дочке».

"Есть ли у вас подходящая кандидатура?"

«Нет ...» Дин Сяовэй немного растерянно посмотрел на пустую бутылку пива. «Это ... это зависит от судьбы, обычные женщины не любят дядю Дина. А, вот, мужчина... Бессердечный мужчина. Бля, какая дерьмовая у меня удача. Женщина была и ушла, мужчина тоже ушел ... Сяо Чжань, ты думаешь, что твой дядя Дин совсем бесполезен?».

Чжан Цзюй с тревогой сказал: «Как ты можешь, так думать? Я считаю, ты очень хороший. Если они уходят, это их потеря, и они пожалеют об этом в будущем».

Дин Сяовэй рассмеялся: «Ублюдок, ты действительно можешь говорить ... Да, пусть они об этом пожалеют ...» Сказав, он поднял руку и погладил волосы на голове Чжан Цзюй.

Чжан Цзюй почувствовал, что у него приливает кровь к лицу, и он стал более смелым из-за выпитого, он сказал: «Дядя Дин, ты, что ты думаешь, послушай, я, я такой, могу я ...»

Дин Сяовэй не понял, нахмурился и сказал: «Что?»

«Я!» - указал на себя Чжан Цзюй.

Дин Сяовэй был ошеломлен: «Что ты можешь сделать?»

Сяо Чжань замолчал, но посмотрел на него обиженно.

Лицо Дин Сяовэя на какое-то время стало горячим, и он резко протрезвел: «Ты, разве... Это не так... не то что я думаю?»

Ребенок покраснел: «... Дядя Дин, изначально я думал, что вы двое вместе и у вас все хорошо. Я, я просто завидовал, я не думал об этом, правда. Но теперь у вас все кончено, я, я могу получить шанс ? »

У Дин Сяовэя на какое-то время закружилась голова, и он не мог понять, почему в этом году он так популярен, неужели он был таким чертовски великолепным.

Он почувствовал, что у него онемело в горле, поэтому он сделал глоток пива и серьезно сказал: «Сяо Чжан, ты слишком молод ...»

Чжан Цзиюй прервал его и сказал: «Прекрати, я знаю, что ты собираешься сказать, это не сработает ... Ты, ты смотришь на меня сверху вниз, я знаю ... Но, я вырасту. И я будет как ты. Посмотри, мы с Лин Лин хорошо ладим. Дядя Дин, тебе нелегко самому заботиться о ребенке. Позволь мне помочь тебе. »

Дин Сяовэй почувствовал только головную боль. «Нет, Сяо Чжань, позволь мне сказать тебе. Когда я был в твоём возрасте, я мог за год влюбиться в десяток девушек. Не обращай на меня внимания, я не заменю не одну. До двадцати пяти лет ты можешь свободно гулять, только потом надо думать о женитьбе, и о том, что бы остепенится. Я имею в виду, что ты такой молодой, у тебя не было секса, я не могу влюбиться в ребенка, и тебе не следует тратить на меня время».

Сяо Чжань смотрел на него, не мигая, глаза его стали немного влажными.

Это напугало Дин Сяовэя: «Не надо, предупреждаю, не плачь. Обещаю пожалеешь об этом, когда проснешься завтра».

Стоило человеку выпить алкоголь, как вылезало, то, что при нормальных обстоятельствах он стремился похоронить в глубине своего сознания. И вот утром после попойки, ты просыпаешься с кучей сожаления, но поделаться уже ничего нельзя.

Сяо Чжань вытер глаза, и захныкал по новой: «Дело не в том, что я намного моложе тебя. Если тебе хорошо со мной, почему бы нам не попробовать? ... Ты ведь ко мне хорошо относишься? Я здесь никого не знаю, кроме семьи дяди. Мне не нравятся те, кто тебе нравится. Но ведь ты ко мне хорошо относишься ... » В конце концов ребенок еще больше расстроился и действительно заплакал.

Дин Сяовэй растерялся и застыл, не зная, что делать..

Сяо Чжань посмотрел на Дин Сяовэя со слезами на глазах: «Дядя Дин ... Я умею готовить, и я нравлюсь Лин Лин, разве ты не думаешь об этом ...»

Дин Сяовэй ошеломленно кивнул, затем покачал головой: «Ты слишком много выпил. Хорошо,

ты можешь остаться здесь сегодня вечером, лечь спать, встать завтра утром и сказать: ах, извини, забудь, что я сказал».

Сяо Чжань вытер слезы и посмотрел на него большими блестящими глазами: «Остаться здесь? А где я буду спать?»

Дин Сяовэй увидел странный свет, сияющий в его глазах, и не мог не похлопать его по голове: «Что, черт возьми, ты придумал в своей голове, спи на диване!»

Сяо Чжань разочарованно опустил голову и снова начал рыдать.

Дин Сяовэй не ожидал, что качество пива будет настолько плохим: если бы они были на улице, он побил бы продавца и вернул его, чтобы так не смущаться.

Дин Сяовэй сам много пил, но был гораздо трезвее Сяо Чжана.

Он пошел на кухню, чтобы сделать два глотка воды, а затем достал одеяло.

Когда он вышел посмотреть, Сяо Чжань все еще был там, опустив голову, он сидел на диване, явно переживая, и выглядел таким жалким.

Дин Сяовэй вздохнул, бросил одеяло и начал собирать бутылки: «Ложись и спи».

Ребенок вздрогнул, потом послушно лег на диван.

Дин Сяовэй прикрыл его одеялом, но Чжань Цзиюй внезапно схватил его за руку.

"Что?"

«Дядя Дин, ты его забудь, подумай обо мне».

«Хорошо, я забыл о нем».

"Ты подумаешь обо мне?"

«Хорошо, я думаю о тебе».

«Подумай об этом сейчас».

«Ты все еще здесь. Если ты не собираешься спать, я тебя вышвырну тебя на улицу».

Сяо Чжань разочарованно отпустил руку: «Ты подумаешь об этом завтра».

Дин Сяовэй вздохнул: «Спи».

Ребенок сразу закрыл глаза.

Дин Сяовэй посмотрел на него с мрачным выражением лица и невольно вздохнул.

Проснувшись на следующее утро, Дин Сяовэй почувствовал запах еды, кто-то готовил завтрак.

Он встал с кровати, и открыл дверь. Чжан Цзию сидел за столом с палочками для еды в руке. Когда он увидел, что Дин выходит, он на мгновение замер, а затем очень сильно покраснел. Дин Сяовэй тоже замер, в глазах сверкнуло разочарование: «А, это ты».

Лицо Чжань Цзией было полно смущения: «Дядя Дин, ты встал?».

«Да», - Дин тоже смутился, думая о прошлой ночи: «Протрезвел?»

«Почти, все еще немного кружится голова».

«Ой, не можешь пить, не пей».

"Я редко пью алкоголь ..."

«Если ты продолжишь пить, то сегодня вечером выброшу тебя на улицу».

Чжань Цзией смущенно улыбнулся: «Дядя Дин, иди почисти зубы, а потом приходи на завтрак».

Дин Сяовэй кивнул, развернулся и пошел в ванную.

Во время каникул Дин Сяовэй позволял Лин Лин поспать подольше, она еще не встала.

За завтраком они оба смотрели в свои тарелки.

Чжан Цзией не смог вынести молчания, поэтому взял на себя инициативу и сказал: «Дядя Дин, я очень смущен, мне стыдно за вчера».

«Ну, да ты вчера наговорил...».

Чжан Цзюй ответил: «Но я сказал правду».

Дин Сяовэй взял битый огурец (китайский салат из огурцов, специй и соевого соуса) и проглотил его с кашей: «В этой каше, какие-то добавки, хорошо перемешаны, что в ней?»

Чжань Цзюй нахмурился и сказал: «Дядя Дин, ты всегда такой, ты можешь всерьез выслушать?»

Дин Сяовэй вздохнул: «Хорошо, ты говори».

Лицо Сяо Чжана немного покраснело: «Ты, ты первый человек, который мне нравится. Я понимаю, что тебе сейчас не до этого. Неважно, если я тебе сейчас не нравлюсь, я не спешу, мы можем продолжать, все как раньше. Хорошо? Может быть, я тебе когда-нибудь понравлюсь».

Дин Сяовэй сказал: «Сяо Чжан, ты хороший мальчик, я действительно хочу быть с тобой милым. Но глядя на тебя, я думаю, что нарушаю закон ... Разве ты не просил меня найти тебе парня в прошлый раз? Я обращаю на это больше внимания ".

«Я сказал это тогда, потому что ты и Чжоу Цзиньсин были в таких хороших отношениях. Я не думал, что у меня есть шанс, но теперь все по-другому. Я больше не хочу парня. Я хочу быть с тобой».

Дин Сяовэй ничего не мог сказать, он тяжело вздохнул.

Какое зло он совершил, он даже не побил собаку, что украдал пирожки с мясом, а его любовь ушла. Теперь его преследует несовершеннолетний мальчик. Если обо все случившимся узнает его мама, она его убьет. Он очень хотел разорвать этот порочный круг ...

<http://bllate.org/book/12814/1130467>